

Аграрный капитализм ПО-СТОЛЫПИНСКИ

В.Э. Багдасарян

Петр Аркадьевич Столыпин после распада СССР стал наиболее популярным персонажем отечественной истории. В резонансном рейтинге «Имя России» Столыпин занял второе место, после Александра Невского и перед Сталиным. И это при том, что великих свершений за ним не числится. Были только незавершенные реформы и некий нереализованный замысел. Так почему в постсоветский период именно Столыпин был взят для позиционирования в качестве исторического героя страны? Идеологически причины этой популяризации очевидны: Столыпин лучше других исторических персонажей подходит на роль символа формируемой государственной модели — капиталистической экономики при сильной политической власти. Властная элита явно формулировала запрос на создание образа «русского Пиночета». Но попытаемся разобраться, что в действительности представляла собой знаменитая столыпинская аграрная реформа.

Считается, что главной причиной начатых П.А. Столыпиным реформ является крестьянская община, тормозящая развитие сельского хозяйства. Однако факторный анализ связи общинного хозяйствования с успешностью страны говорит об обратном¹. Именно община как цивилизационно идентичный институт трудовой организации на селе представляла собой исторически отработанный применительно к российским средовым условиям оптимальный экономический и социальный институт. Анализ этого генезиса дает многое для понимания исторического опыта российской цивилизации.

Существование общины имеет место в различных типах цивилизаций, что иногда расценивается как свидетельство универсализма мирового развития. Но под одним и тем же понятием общины скрываются различающиеся явления. Сравним российский «мир», западноевропейский «сivic» и китайский «цзя» (табл. 1)². Все три указанных института определяются как община. Однако ни по одному из шести существенных признаков совпадений не имеется. Следовательно, налицо три существенно различных социальных института³.

---

¹ Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакишин С.С. Цивилизационно-ценностные основания экономических решений. Монография. М.: Научный эксперт, 2008. 160 с.

² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992; Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 2001; Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2001; Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001; Фэй Сяотун. Китайская деревня глазами этнографа. М., 1989; Качоровский К.А. Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие (Опыт цифрового и фактического исследования). СПб., 1900; Карелин А. Общинное землевладение в России. СПб., 1893; Кауфман А.А. Крестьянская община Сибири. СПб., 1897.

³ Сусоколов А.А. Культура и обмен: Введение в экономическую антропологию. М., 2006. С. 104–164.

Таблица 1

**Вариативность организации традиционного аграрного общества
(Западная Европа, Россия, Китай)**

Критерии сравнения	Западная Европа	Россия	Китай
Наименование социальной единицы	Civic	Община	Цзя
Землевладение	Частная собственность	Фактическая общинная собственность (при юридической собственности помещика)	Распоряжение рода при собственности государства
Состав	Коллектив собственников земли	Коллектив, объединенный совместной хозяйственной деятельностью и государственным тяглом	Члены клана
Право собственности и правосознание	Частное право	Трудовое право	Родовая традиция
Управление	Группа выборных лиц	Сход	Старейшины клана
Взаимопомощь	Индивидуальные кредиты	Помочи (коллективная трудовая помощь)	Обязательное общинное кредитование
Ментальная парадигма	Индивидуализм	Коллективизм	Родовая традиция

На Западе община, основанная на индивидуалистической парадигме хозяйствования, довольно быстро распалась. В России же, базирующаяся на коллективистской традиции, коллективистских ориентирах совместной деятельности, она каждый раз, при всех попытках ее роспуска, воспроизводилась и репродуцировалась в новых формах. Незвестным для Западной Европы был и феномен периодически проводимого уравнительного перераспределения земель. В России он получил название «черного передела». Даже в начале XX в. процедура земельных перераспределений среди русских крестьян-общинников имела крайне широкое распространение (рис. 1)⁴.

«Только благодаря своей уцелевшей общине, своему миру, — писал консервативный экономист С.Ф. Шарапов, — и стало Великорусское племя племенем государственным; оно одно из всех Славянских племен не только устроило и оберегло свою государственность, но и стало во главе общерусского государства... Община явилась хранилищем и Христовой веры, и народного

⁴ Русское хозяйство. М., 2006. С. 669–670.

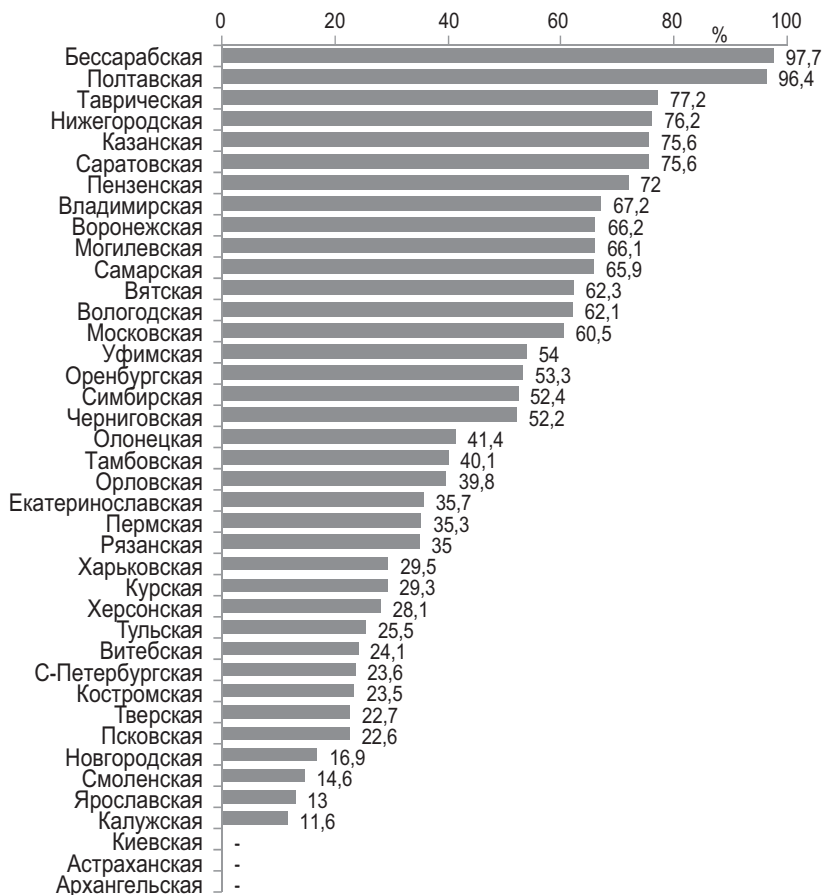

Рис. 1. Объем «черного передела» земли в общинах по российским губерниям начала XX в. (доля перераспределяемой земли)

духа, и исторических преданий...»⁵ Общинное землевладение воплощало собой национальный идеал соборного единения. Община брала на себя функции организации вспомоществования всем миром отдельным крестьянским хозяйствам. Ее назначением было и решение социальных задач, что отвечало критериям социализированного типа экономики, в которой экономический успех включает достижение социальной справедливости. Даже западник А.И. Герцен отмечал значение русской общинной системой хозяйствования как ответа на теорию мальтузианства.

У общины имелись отчетливые производственные преимущества перед единоличным хозяйствованием, например ее потенциал в распространении технических нововведений. Показательны в этом отношении опережающие темпы технических инноваций в аграрном секторе в общинных великорусских регионах по сравнению с единоличными, по преимуществу, малороссийскими

⁵ Шаранов С.Ф. Русские исторические начала и их современное положение. М., 1908. С. 25–26.

территориями⁶. Даже чересполосица — безусловный недостаток для единоличного владельца — в условиях общинного хозяйствования способствовала большей стабильности урожая при неблагоприятных воздействиях природно-климатических факторов.

Общинное хозяйствование предоставляло и возможность проведения масштабных аграрных мероприятий, чего, за редким исключением, были лишены индивидуальные собственники. Именно община обеспечила переход крестьянских хозяйств от устарелой трехпольной к многопольной системе севооборота⁷. В числе видных мыслителей, апеллировавших к общинной системе как идеальной экономической модели применительно к России, можно сослаться на Д.И. Менделеева. Великий русский ученый считал общину тем идеалом, который в наибольшей степени соответствовал задаче достижения народного благосостояния⁸.

Модель общины была реализована и в организации «русской артели», представлявшей собой исключительно национальную форму хозяйственной самоорганизации и самоуправления. Неслучайно А.И. Герцен называл артели передвижными общинами. Артельщиков связывала круговая порука, солидарное ручательство всех за каждого. Возведенное в принцип равноправие членов артели позволяет противопоставлять ее капиталистическим предприятиям (в литературе используется характеристика крестьянских артелей как антикапиталистических организаций). Уместно также говорить об особом феномене русской трудовой демократии. В Российской империи были известны случаи, когда вся деревенская община составляла собой артельное объединение⁹.

О высокой трудовой эффективности артельного труда свидетельствует опыт форсированного строительства в течение десяти лет Транссибирской железнодорожной магистрали, проложенной главным образом руками артельщиков. Всего 8 тыс. человек при той низкой степени механизации было задействовано в прокладке 7,5 тыс. км железнодорожного полотна¹⁰.

Столыпинский курс на демонтаж общины не вытекал из эволюционной тенденции развития русской деревни, он ей противоречил. Решение об антиобщинной реформе производно прежде всего от частных воззрений П.А. Столыпина и всей виттевской группировки реформаторов относительно содержания экономических процессов.

Столыпин по своему образованию и мировоззрению был типичным западником. Родился будущий премьер-министр в Дрездене, детство и отрочество

---

⁶ Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX — начало XX веков). М., 2006. С. 226–227.

⁷ Качаровский К.Р. Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие (опыт цифрового и фактического исследования). СПб., 1890; Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. СПб., 1876. Т. 1–2; Воронцов В.П. Крестьянская община. М., 1897; Карелин А.А. Общинное владение в России. СПб., 1893.

⁸ Менделеев Д.И. Проблемы экономического развития России. М., 1961.

⁹ Воронцов В.П. Артельные начинания русского общества. СПб., 1895; Исаев А. Артель в России. СПб., 1872–73. Вып. 1–2; Его же. Община и артель // Юридический вестник. 1884. № 1; Калачев Н.В. Артель в древней и нынешней России. СПб., 1864.

¹⁰ Паталеев А.В. История строительства Великого Сибирского железнодорожного пути. Хабаровск, 1951.

провел в Литве. Но сельский уклад и агроэкономика Прибалтики отличались, как известно, от русской модели организации сельского хозяйства. Учился Столыпин в Виленской гимназии, а на летние каникулы выезжал в Швейцарию. На формирование взглядов будущего реформатора, несомненно, оказал влияние и его дядя Дмитрий Аркадьевич, известный публицист-аграрник, одним из первых сформулировавший задачу роспуска общины. До сорока лет П.А. Столыпин служил в западных губерниях, прожив, таким образом, большую часть жизни вне исторической России. Оказавшись на посту саратовского губернатора в непривычной для себя социокультурной среде, Столыпин не нашел ничего лучшего, чем пойти по пути силовой ломки устоявшегося хозяйственного института. Несмотря на все усилия, он не достиг в этом особых успехов. Неслучайно, как указывали критики премьера справа, именно в Саратовской губернии во время революции было сожжено больше всего помещичьих имений¹¹. А известный общественный деятель В.В. Шульгин впоследствии охарактеризует политику П.А. Столыпина как «двуединую систему», при которой реформатор держит «в одной руке пулемет, а в другой — плуг»¹².

Столыпинская аграрная реформа представляла собой попытку перенести прибалтийскую хуторскую систему на российскую почву, для которой та не была приемлема как по ментальным, так и по природно-климатическим причинам. Столыпин, в силу своей приверженности западному опыту, не понимал традиционных общинно-этактистских механизмов функционирования российской экономики. «Идеалом для многих культурных стран» он считал Германию. Но давно известно — «что русскому здорово, то немцу смерть». Можно предположить, что и обратное утверждение столь же верно.

Однако внедрение в российское жизнеустройство западного типа экономики было невозможно без силового политического обеспечения. Поэтому ставка на преимущественное развитие частного сектора привела в политической сфере к военно-политическому диктату. Причем попытка переноса на российскую почву западной экономической модели сопровождалась апелляцией к русским национальным интересам. При этом под рускостью понимались не исторические цивилизационно-ценностные накопления, а экономические интересы русской буржуазии.

Статистика урожайности в Российской империи развенчивает миф о столыпинском «аграрном чуде». 1911 год, последний год премьерства П.А. Столыпина, был наименее успешным для российского аграрного сектора с начала XX века. Высших успехов в сельскохозяйственном производстве удалось добиться в 1913 г. Но к тому времени уже происходило свертывание столыпинского экономического курса (рис. 2)¹³.

За период реформ П.А. Столыпина снизилось, соответственно, и потребление важнейших видов сельскохозяйственной продукции (рис. 3)¹⁴. Поэтому о каком-то прорыве в аграрном производстве применительно к столыпинской

¹¹ Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 17.

¹² Сидорович Г.П. П.А. Столыпин: Жизнь за Отечество: Жизнеописание (1862–1911). Саратов, 2002.

¹³ Статистический ежегодник. 1913 г. СПб., 1913. С. 716.

¹⁴ Гурко В. Устои народного хозяйства России. СПб., 1902. С. 14.

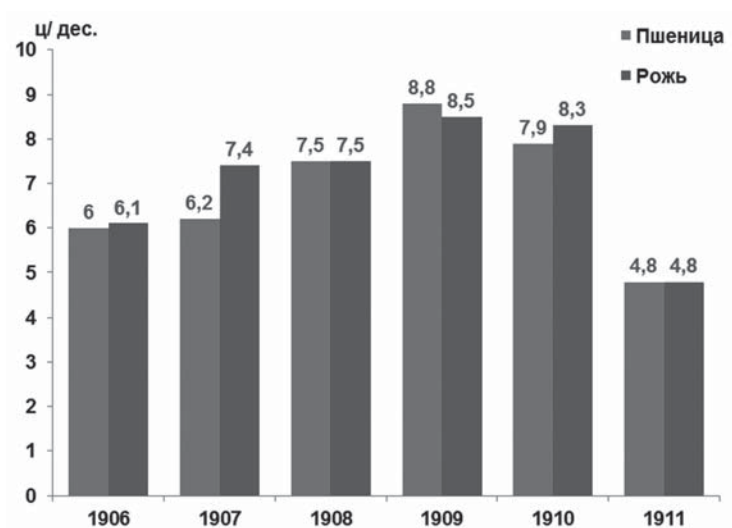

Рис. 2. Урожайность зерна в России

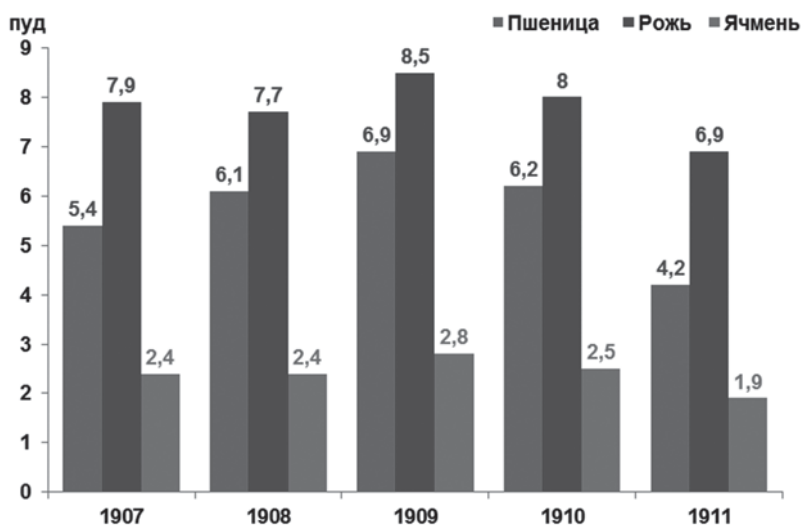

Рис. 3. Потребление зерновых в России, на душу населения за год, в пудах

политике говорить не приходится. Предложенная П.А. Столыпинным фермерско-хуторская модель хозяйствования, несмотря на направленные на ее развитие значительные финансовые ресурсы, продемонстрировала свою неэффективность.

Столыпинские хутора не имели ничего общего с фермерскими хозяйствами капиталистического типа. Ни о каком фермерстве при 5–7 десятинах крестьянского землевладения не могло идти и речи. При ликвидации чересполосицы крестьянин попадал в зависимость от стихии. Следствием столыпинского реформирования стала приостановка начавшегося в конце XIX в. перехода сель-

ского хозяйства от устарелой трехпольной системы к многопольным севооборотам. Раздробление крестьянского мира также стало препятствием технической инноватизации села. Таким образом, тезис большевистской пропаганды о том, что только вступив в колхоз крестьяне смогут купить трактор, имел под собой определенную долю обоснованности.

Провал аграрной политики Столыпина подтверждает и голод, охвативший до двадцати губерний в последний год его премьерства. Причем наиболее тяжелое положение сложилось именно в районах хуторского и отрубного землепользования. Если принято осуждать большевиков, препятствовавших деятельности политически чуждых им организаций по оказанию помощи голодающим Поволжья, то таким же образом надлежит порицать столыпинское правительство за аналогичные препятствия, чинимые во время голода 1911 г., в частности Пироговскому и Вольно-экономическому обществам¹⁵. Статистика свидетельствует, что в 1913 г. душевое потребление продовольствия было ниже, чем во времена, предшествующие столыпинским реформам. Так, москвичи в начале века потребляли ржаной муки 6,38 пуда в год, в 1912 г. — 5,55; пшеничной муки соответственно 5,16 и 4,85; крупы и пшеница — 2,46 и 1,46; картофеля — 2,67 и 2,48; мяса — 5,12 и 4,59; рыбы — 0,88 и 0,74; сахара — 2,05 и 1,98; овощей — 2,19 и 1,93. В целом в столыпинской России с учетом растущей численности населения назревала продовольственная проблема¹⁶.

Негативные последствия демонтажа общины для России обнаружили в время Первой мировой войны. Вопреки предположениям, что частник будет более склонен к проявлению патриотизма как человек, защищающий свою собственность, крестьянин-единоличник повел себя противоположным образом: не желал ни идти на фронт, ни снабжать армию продовольствием за бесценок. Ленин был совершенно прав, когда говорил о кулацком саботаже. Политика военного коммунизма была, как известно, еще до большевиков апробирована царским правительством. 20 ноября 1916 г. министр земледелия А.А. Риттих подписал распоряжение о введении продразверстки. Только с октября 1915 по февраль 1916 г. власти 50–60 раз прибегали к карательным реквизициям зерна, понижая ими же самими установленные твердые цены. Таким образом, отнюдь не большевики ликвидировали столыпинскую аграрную систему. Сама жизнь отвергла ее как несостоятельную¹⁷.

Общину было невозможно демонтировать премьерскими рескриптами, ибо она укоренилась на уровне архетипов сознания русского крестьянства. Несмотря на государственный натиск, доля крестьянских хозяйств, вышедших из общины за 1907–1915 гг., немного превышала 16%. В центральных русских губерниях оно было еще ниже¹⁸. Со смертью Столыпина показатели выхода сократились почти в 20 раз, что подтверждает политическую и искусственную подоплеку всей аграрной кампании¹⁹.

¹⁵ Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Л., 1988. С. 13–14.

¹⁶ Данилов А.А. История России. XX век. М., 1996. С. 38.

¹⁷ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 19, 26.

¹⁸ Статистический ежегодник России. 1915. Пг., 1916. Отд. VI; Русское хозяйство. М., 2006. С. 670–671.

¹⁹ Сидельников С.М. Аграрная реформа Столыпина. М. 1973.

Большинство крестьян, принявших решение о выходе из общины, потом снова вернулись в структуры крестьянского «мира». Создаваемая впоследствии колхозная система во многом воспроизводила традиционную для России форму социального устройства.

Если осуждать сталинскую депортационную практику, то таким же образом надлежит оценивать и столыпинскую переселенческую политику. Масштабы их были сопоставимы. Показательно, что вагоны, перевозившие спецпереселенцев в 1930–40-е гг., именовались «столыпинскими». Петр Аркадьевич избрал экстенсивное направление развития деревни. Переселенческая политика, как известно, завершилась еще более очевидным провалом, чем хуторская реформа. Значительная часть переселенцев возвращалась обратно, но уже будучи разоренной и разочарованной. В год смерти Столыпина доля возвращенцев из Сибири составляла 61%. Именно столыпинские переселенцы в Казахстан первыми приступили к распашке целинных земель. Земледельческое хозяйствование в регионах традиционного скотоводства приводило к эрозии почвы и наступлению пустыни. Миграционные массы русского населения неизбежно вступали в конфронтацию с автохтонами. Среднеазиатский сепаратизм и национализм, индикатором которых было восстание 1916 г., стали ответом на приток переселенцев из внутренней России. В целом за 1908–1914 гг. полиция зарегистрировала 1583 крестьянских бунта, что свидетельствует о неприятии столыпинской политики значительной частью россиян²⁰.

Популяризация образа П.А. Столыпина включает частое цитирование ярких, афористичных столыпинских высказываний, в том числе и по аграрному вопросу. При этом не всегда точно представляется контекст их произнесения. Одна из наиболее знаменитых фраз премьера была произнесена им 10 мая 1907 г. в речи, посвященной устройству крестьянского быта и праву собственности, во II Государственной думе: «Пробыв около десяти лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черновая работа. Решить этот вопрос нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это требовались десятилетия. Мы предлагаем скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!»

Фраза, безусловно, яркая. Но, упрекая представителей крайне левых партий в радикализме, Столыпин сам осуществлял реформу, направленную на слом традиционных социокультурных устоев русского крестьянства. Последствием этих реформ явились маргинализация значительной части бывших земледельцев-общинников, увеличение численности городских люмпен-пролетариев, ставших носителями большевистской идеологии экспроприации и социальной уравниловки.

Широко известно и другое столыпинское высказывание, произнесенное премьером 5 декабря 1908 г. на заседании III Государственной думы по земельному вопросу в речи о земельном законопроекте и землеустройстве крестьян: «Нельзя создавать общий закон ради исключительно уродливого явления, не-

²⁰ Там же.

льзя убивать этим кредитоспособность крестьянина, нельзя лишать его веры в свои силы, надежды на лучшее будущее, нельзя ставить преграды обогащению сильного для того, чтобы слабые разделили с ним его нищету. Но главное, что необходимо, — это когда мы пишем закон для всей страны, иметь в виду разумных и сильных, а не пьяных и слабых».

В приведенном высказывании формулировалась главная социальная задача проводимых правительством реформ в аграрной сфере — создание крепкого, экономически самостоятельного слоя крестьян-собственников. Однако следует учитывать, что удельный вес созданной прослойки земледельцев-средняков в 1906–1914 гг. был значительно меньше основной массы крестьян-бедняков, разорившихся в результате проведения аграрных преобразований и утративших связь с общиной. Данную фразу можно рассматривать как своеобразный девиз для создания режима наибольшего экономического благоприятствования для социального меньшинства в ущерб интересам основной крестьянской массы. Правотворческая деятельность в интерпретации П.А. Столыпина выступает не как инструмент гармонизации интересов различных социальных групп общества, а как способ структурирования отдельного социального слоя внутри крестьянства, рассматривающегося в качестве одной из опор существующего режима политической власти.

При апологии столыпинских реформ часто ссылаются на слова премьера о том, что их реализация была рассчитана на двадцатилетний период. «Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, — говорил он в 1909 г., — и вы не узнаете нынешней России»²¹. Создается миф о том, что якобы некие темные силы погубили прекрасные замыслы, вначале убив самого реформатора, а затем ввергнув страну в кровавую бойню. Российская история давала мало оснований для мечтаний о двадцатилетнем покое. Такие надежды в условиях обострения международной конфронтации могли быть итогом только политической близорукости. Утопия столыпинского грядущего процветания трудно увязывается с возможностью для 49-летнего Столыпина оставаться у руля управления государством вплоть до 1930-х гг. На деле для современников отставка Столыпина в 1911 г. ввиду очевидного провала его преобразований казалась делом решенным. Отношение к нему императора проявилось даже в том, что он, не дождавшись похорон, уехал на отдых в Крым. В приказе министра двора, вышедшем на следующий день после покушения, ни словом не упоминалось о Столыпине, будто это был не первый министр, а лишь заурядный рядовой чиновник. «Выздоровевший от раны П.А. Столыпин, — рассуждал М.О. Меншиков в статье с характерным названием «Посмертная сила», — всего вероятнее, удалился бы, как предполагалось еще до покушения, с верхов политики, занял бы пост наместника на Кавказе или посла... Если так, то ему угрожало постепенное забвение. Теперь же он “начинает жить” и “входит в основной капитал нации”»²². Впрочем, заменивший Столыпина на посту председателя Совета министров В.Н. Коковцов был его единомышленником, и поэтому до рокового 1914 г. Россия продолжала развиваться в русле столыпинской политики.

²¹ Государственная деятельность Председателя Совета Министров статс-секретаря Петра Аркадьевича Столыпина. СПб., 1911. Ч. 1. С. 8.

²² Новое время. 1911. 11 сентября.

Слова П.А. Столыпина о необходимости двадцатилетнего мира как непременном условии реализации реформ были сказаны тогда, когда перспектива мировой войны была уже фактически всем очевидна. В различных регионах шла борьба за передел мира. Уже сложились обе коалиции противников будущего глобального конфликта. Да и не было в истории России до того момента ни одного периода столь продолжительного — в двадцать лет — мира.

Неоправданное упование премьера на мирный сценарий развития международных отношений привело к тому, что Россия попросту не подготовилась к Первой мировой войне. Из японской кампании не было извлечено уроков, а назревшая военная реформа в должной мере не состоялась. 4,36 млрд руб. оборонных расходов за 1907–1913гг.²³ осели большей частью в карманах генералов. Военная реформа сводилась преимущественно к установлению новых форм обмундирования и знаков отличия. «В этой области, — писал В.П. Обнинский, — прогресс шел зато непрерывно, и Николай отметил свое царствование таким длинным списком указов о пуговицах, кисточках, вырезах, шапках и надписях, а также таким числом всяких медалей, крестиков и значков, как никто из его предков»²⁴. В результате к началу войны при 35,3 млн поголовья лошадей русская армия располагала лишь 679 автомобилями²⁵. Столыпинская Россия так и не освоила ряда технологий по производству современного вооружения, импортируемого из-за рубежа, в первую очередь из Германии. В первые месяцы войны возникла перспектива полной остановки российской оборонной промышленности, находящейся в недопустимой зависимости от германских предприятий.

Непременный пассаж столыпинской апологетики — прогноз ведущего французского экономиста начала XX в. Эдмона Тэри, сделанный в его выступлении в парламенте: «Если у больших европейских народов дела пойдут таким же образом, то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношениях». Следует сказать, что, проводя совершенно иной государственный курс, чем при столыпинском премьерстве, Советская Россия действительно к середине века заняла доминирующие позиции на континенте. Начавшийся в 1909 г. промышленный подъем ни в коей мере нельзя классифицировать как экономическое чудо. Доля России в мировом промышленном производстве хотя и возросла, но незначительно — всего на 0,3%, составив к 1913 г. лишь 5,3%, что соответствовало пятому месту после США, Германии, Великобритании и Франции. За тот же период объем представительства экономики Соединенных Штатов в выработке промышленной продукции увеличился на 5,7%. Еще меньше была доля России в мировом экспорте — 4,2%. По темпам экономического роста Россия отставала не только от США, но и от Японии и Швеции. Она производила промышленной продукции в 2,6 раза меньше, чем Великобритания, и в 3 раза меньше, чем Германия, хотя и опережала их по интенсивности роста. Ликвидировать отставание при существующих темпах развития в ближайшие сроки и даже в период, определенный Э. Тэри, не представлялось возможным. Представительство Рос-

²³ Столыпин П.А.: Программа реформ. Документы и материалы. М., 2002. Т. 1. С. 14.

²⁴ Обнинский В.П. Последний самодержец. М., 1992. С. 46.

²⁵ Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. М., 1993. С. 229–230.

сии в мировом промышленном производстве было почти вдвое меньше доли ее населения в численности жителей земного шара (10,2%). По производству промышленной продукции на душу населения она находилась на уровне Италии и Испании, заметно уступая ведущим индустриальным державам. Так что реально столыпинский вариант модернизации существенно уступал по своим производственным показателям индустриализации большевиков²⁶.

К тому же столыпинское реформирование обходилось казне весьма недешево. Россия в преддверии Первой мировой войны оказалась одним из крупнейших должников, уступая по этому показателю только Франции. Внешний долг за период с 1900 по 1913 гг. увеличился на 36%. Проблемы финансового банкротства и экономического закабаления, хотя и не вошли еще в актуальную повестку дня, но могли реально возникнуть в не столь отдаленное время при сохранении государственного курса. Ежегодные выплаты России по долгу уступали только размерам финансирования армии. Львиную долю доходов составляли поступления от казенной винной монополии, что давало основание публицистам именовать российский бюджет «пьяным». Таким образом, оборотной стороной столыпинской реорганизации стало спаивание миллионов русских крестьян. Произнося убедительные речи, избличающие крестьянское тунеядство, Петр Аркадьевич непосредственно его и возвращивал, поощряя производство и продажу спиртных изделий²⁷.

Таким образом, большевистскую революцию в известном смысле можно назвать контрреволюцией. Она представляла собой реакцию на столыпинское разрушение общинного уклада, на реформы, выводящие Россию за рамки ее цивилизационной модели. И не удивительно, что большевистская система колхозов, восстанавливающая (хотя и с иным идеологическим оформлением, но с не меньшими жертвами) старые общинные связи, оказалась более успешной.

---

²⁶ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995; *Бовыкин В.И.* Россия накануне великих свершений. М., 1988; *Данилов А.А.* История России, XX век: Справочные материалы. М., 1996. С. 33–38.

²⁷ *Петров Ю.А.* Экономический рост, правительственная политика и внешнеэкономические обязательства России (конец XIX — начало XX вв.) // Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар. М., 2001. Вып. 14; *Данилов А.А.* История России. XX в. М., 1996. С. 33–38.